

ДАВАЙТЕ РАЗБУДИМ ПОДРОСТКА!

Л. ФИЛЯКИНА

Имя Лидии Константиновны Филякиной знакомо многим педагогам страны. Всё в её профессиональной жизни шло наоборот. Закончив физфак пединститута, Лидия Константиновна работала в старших классах. А затем, неожиданно для коллег, стала «спускаться». Сначала в среднюю, потом — в начальную школу. Однажды Константин Михайлович Хелем, завуч школы № 807, взмолился: «Лидочка, возьми восьмые классы. Третий физик от них уходит!» Оказалось, что в новую школу, только что открывшуюся, соседние школы «скинули» всех своих беспокойных учеников. Она согласилась. Более того, взяла классное руководство в самом слабом из трёх восьмых классов. Прочтите её педагогические заметки, написанные с любовью к подросткам, и вы поймёте: она не ошиблась в выборе!

Характеристики

Я стала знакомиться с личными делами «своих» детей. В каждом деле была характеристика, написанная рукой прежнего классного руководителя. Не было ни одной хорошей характеристики. Завуч рассказал, что прежняя классная руководительница почти каждый урок вылетала из класса с возмущением, чуть не плача. И не мудрено: свои характеристики на детей она зачитывала им вслух!

На первом же классном часе я принесла ведро, поставила его на стол, сыпала туда все эти характеристики и подожгла...

Потом я предложила ребятам начать всё с чистого листа. Мы договорились, что все вопросы будем решать вместе. Если будут разногласия, то решение будем принимать голосованием. И мой голос будет таким же, как и у каждого из учеников.

Продлёнка

Учёба в классе шла очень слабо. Мой день начинался с того, что кто-нибудь из учителей, работающих в 8 «В», с утра жаловался мне или на поведение кого-либо на уроке, или на прогулы. А уж о том, что многие не готовят дома уроки, твердили все учителя.

Как же быть, что же предпринять? А главное — как помочь этим подросткам?

113

Сценарии
и алгоритмы

[133 — 138]

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Предлагаю организовать в моем кабинете группу продлённого дня для 8-х классов, с тем, чтобы делать уроки. Конечно, сомневаюсь, будет ли кто посещать эту группу.

Уж не знаю, что повлияло на них (думаю, любопытство), но довольно большое количество детей стало приходить после уроков в мой кабинет. Мы честно готовили все уроки на следующий день.

Один из мальчиков удручённо объяснял мне: «Что вы хотите? Я с первого класса не учил уроков». Уговариваю его выбрать одно из заданий по алгебре, которое он может сделать сам или с моей помощью, а остальные разрешаю ему списать. Кто-то подумает, что это непедагогично. Возможно. Но даже такое усилие по решению одного задания — уже успех! А в учёбе это самое главное.

К тому же я лично убедилась в том, что все уроки выучить невозможно даже за пять часов! Беседую с каждым учителем об ограничении объёма домашних заданий. Главное, что мои (теперь мои) ребята учатся достоинству, учатся приходить в класс с поднятой головой.

На доверии

В подростковом возрасте коллектив становится лучшим, чем взрослые, воспитателем. Понимание того, что ты не один, очень многое даёт каждому из учеников. Ребята с удовольствием принимали участие во всех мероприятиях школы и занимали не последние места.

В один из дней генеральной уборки школы у меня заболела дочка. Я сказала ребятам, что не могу долго задерживаться. Но они, решив голосованием, отправили меня домой. Всё, что нужно, они сделали аккуратно и в срок. Вот она — обратная сторона доверия к человеку.

В поте лица

Договариваясь с ребятами о работе, я подчёркивала, что оцениваю не столько результат, сколько приложенное усердие. А за усердием обязательно следует удача. Пусть вначале и маленькая.

Конечно, не всё было гладко. Да так в жизни и не бывает!

С Эдиком мы учили биологию. Завтра контрольная! Я сама лично проверила у него все ответы на вопросы и приняла пересказ параграфа.

Приходят итоги контрольной. У Эдика опять двойка. «Ну что же такое! Ведь ты всё знал!» — огорчаюсь я. А Эдик успокаивает меня: «Учил-то я вчера, а контрольная — сегодня утром. Вот я всё и забыл».

В первой четверти я поставила пять двоек по физике. Директор — в шоке. Завуч уговаривает директора, что скоро я всё исправлю. А я сразу предупредила детей, что за бездельем следует расплата.

В то время поставить двойку в четверти означало подставиться под удар районских проверок. И пятнадцатилетние подростки об этом знали. Но я призывала их к честности и открытости — значит, и сама должна была соответствовать призыву.

Не могу сказать, что все стали успевающими в следующих четвертях. Но то, что каждый в поте лица своего трудом добивался положительной оценки, — это правда.

[87 — 100]

Исследования
и эксперименты

114

Л. ФИЛЯКИНА
ДАВАЙТЕ РАЗБУДИМ ПОДРОСТКА

Мы поддержим

В какой-то из дней я узнаю, что Валентина не пускает на свои уроки учительница химии. Оба — и ученик, и учитель — были резки в обращении друг с другом.

Собравшись узким кругом с друзьями Валентина, мы обдумывали, как выйти из положения. Мне удалось убедить его извиниться хотя бы за грубое выражение своего мнения. Я обещала, что он будет не один, мы его поддержим.

А дело в том, что отец Валентина — «шишка» в районе. Он, папа, считал, что сын прав, и говорил ему, что химичка ещё пожалеет о своём поведении. И правда, на следующий год она в школе уже не работала.

А Валя? Он извинился в нашем присутствии. Ему это далось нелегко. А учительница не простила. Глупо и обидно! Ведь раздражение, злопамятность никогда ни к чему хорошему не приводили. А за Валентина я всё-таки порадовалась.

...Большинство моих детей закончили школу в 8-м классе, — ушли в ПТУ, в техникумы. Я рада, что мне удалось снять с них гнетущее впечатление от учёбы и проводить их во взрослую жизнь с добрыми чувствами к школе.

Десятилетие жизни

Большинство учителей переживают за дисциплину на уроке. Но чаще всего учителя думают о порядке на уроке для себя, не задумываясь о том, что он несёт детям. Одна из учительниц так и говорила: моя основная забота — чтобы дети были послушными. Но задумываемся ли мы о том, кому и чему послушны должны быть дети. И всегда ли послушание — достоинство человека?!

Жёсткая дисциплина достигается порой за счёт устрашения. Когда ученик боится забыть, опоздать, не выучить, получить не ту отметку, которую от него ждут, школа превращается в учреждение, калечащее психику и здоровье детей.

В школе проходит десятилетие жизни человека. Слышите — ЖИЗНИ! Стало быть, все эти 10 лет нужно заботиться об устройении такого уклада, чтобы человек *проживал* школу, а не отсиживал положенное время. Строить жизнь в классе! — вот что надо делать в первую очередь.

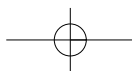
Какие мысли приходят в голову, когда видишь пустые глаза подростка, выкинутого в вечернюю школу или ПТУ? Мысли о том, что никакие они не пустые, а просто «спящие». Эти «спящие» мальчики и девочки привыкли быть неуспешными и старались быть незаметными (это в лучшем случае, если только учителя не начинали их доставать своими придирками и не доводили их до истерик и злобных выходок!).

И вот эти выброшенные из школы собраны вместе! Если бы я была начальником, то всех молодых учителей приказала бы отправлять именно в вечерние школы и ПТУ, где бы каждый проверил, способен ли он выдержать работу в этой системе. Если выживет как учитель там, то и в общеобразовательную школу его можно принять. А если нет, то, как говорится, не судьба быть учителем.

115

Сценарии
и алгоритмы

[133 — 138]

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Вдохнуть оживление

После первых двух лет, проведённых в начальной школе, я окунулась в мир подростка, отвергнутого и отторгнутого школой. Я пошла работать в кондитерское ПТУ, где завучем работал чудный человек Константин Михайлович Хелем. Он учил учителей мирной жизни с детьми. Константин Михайлович сам был фантазёром, умным историком и уважающим детей и учителей человеком. Кого он не терпел в школе, так это «надзирателей» среди учителей и бездельников в учительской и в ученической среде.

Меня Константин Михайлович знал с первых лет моей учительской деятельности. Он и пригласил меня в ПТУ-шку. Моей задачей было узнать: «Можно ли разбудить подростка, практически «убитого» школой и выброшенного из неё?»

В то время я уже овладевала «театральной педагогикой» А.П. Ершовой и В.М. Букатова. Мне казалось, что эта малоизвестная система работы живоительно скажется на учащихся. Кроме того, в занудные уроки физики хотелось вдохнуть оживление, дать ребятам понять, что эти знания им доступны и будут полезны в их работе. У этих юношей и девушек подростковый, деятельный возраст не был связан с учёбой в школе. У них учёба была дворовая. А в отношении себя каждый из них знал, что к физике и математике он «не способен», ничего в ней не понимает и время этих уроков для него потерянное.

Время «базара»

Прежде чем увлечь людей, надо, чтобы они тебя признали за *нужного* человека. Любого учителя дети встречают проверкой «на вшивость». Всё-таки учителя их донимали целых восемь лет. Ну вот, теперь каждый из нас и получал сполна за всех донимателей.

Мне не впервой проходить «школу собственного выживания». Тут о дисциплине, то есть о некотором порядке на уроке, можно забыть — царит развязная разговорчивость. В любой момент урока кто-то кем-то недовольный громко и бесцеремонно начинает выяснять отношения. Решать, как унять разговорчивых собеседников, приходится быстро. И обязательно бесконфликтно. Тебя провоцируют на раздражение. А тебе надо быть спокойным, ровным и ни в коем случае не орать. Они ведь к этому привычны.

На очередной урок я приношу с собой огромные ручные часы. Мне сказали, что в ПТУ даже по болезни пропущенный урок должен быть проведён, то есть положенные часы должны быть вычитаны.

Так вот, как только начинается «базар», я замолкаю и, глядя на часы, молча хронометрирую — пишу на доске время: 1 мин., 2 мин., 3 мин. «Базарить» можно только 5 минут. Если время «базара» дольше, то я, как честный человек, считаю урок непроведённым(!) и не фиксирую его в журнале.

Итак, время идёт, а я сажусь и занимаюсь своими делами, не обращая (якобы) внимания на происходящее в кабинете, раз уж мне (и им) придётся повторять всё занятие целиком в какое-то другое время...

Всё! Одного такого демарша достаточно для того, чтобы ученики усвоили этот урок! В дальнейшем, как только я смотрю на часы, тут же все начинают одергивать друг друга: «Тихо! Она время пишет!»

[87 — 100]

Исследования
и эксперименты

116

Л. ФИЛЯКИНА
ДАВАЙТЕ РАЗБУДИМ ПОДРОСТКА

Импровизация

Но есть ещё моменты, которые меня как человека не устраивают. Девушка на уроке наводит макияж. Мы с ней уже беседовали о том, где и когда это делать пристойно. Но сегодня она в который раз повторяет то же самое.

Я не возмущаюсь. Объясняя задание, я размышляю, как же мне поступить...

Обычно я хожу по кабинету. И вот в очередной раз, проходя мимо, я беру и вытираю промокашкой её жирные от яркой помады губы. Она начинает отчаянно верещать. А я, глядя на часы, пишу время на доске.

Девица вылетает из класса, проорав мне: «Дура!» — «Не без этого», — с готовностью соглашаюсь я и продолжаю урок.

Броуновское движение

А что же на уроке? Тема «Молекулярное движение». И часть учащихся превращаются в молекулы, совершая беспорядочное движение по кабинету. А другая часть — кристаллическая решётка (сидящие за партами улавливают и притягивают к себе замедлившую движение молекулу).

Вы думаете: что за сумасшедший дом, ведь теперь играющих ни за что не остановить? Да нет! Звучит «стоп!» — и вся картинка, как по волшебству, замерла. После этого садимся и начинаем разбираться в физическом смысле этой сценической картинке.

«Детский сад, да и только! — подумает иной учитель. — И зачем это заводить такую дребедень!» Может, и дребедень, да вот только именно такой способ оживления модели запоминается навсегда. Даже ПТУ-шниками. Теперь и слова-термины учебной темы с лёгкостью воспроизводятся теми, кто вроде бы никогда ничего не мог запомнить.

Ну а начинаются наши уроки всегда с взаимопроса в парах домашнего задания. Но не за тем, чтобы *проверить*, а для того, чтобы *вспомнить*!

Не для профформы

И ещё о возврате к непрожитому прошлому. На первых же уроках я показываю, что каждое физическое явление можно объяснить на четырёх языках: а) графическом; б) формульном или алгебраическом; в) модельном; г) экспериментальном (опытном).

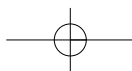
И предлагаю ребятам собраться в «четвёрки» (это просто: каждая нечётная пара поворачивается лицом к чётной). И вот класс объединился в «четвёрки», и каждая группа договаривается, какой из четырёх возможных языков она будет учить. (Так и слышу реплики: «Зачем это нам надо?!» Дорогие оппоненты, давайте будем думать, зачем не НАМ, а ИМ это надо!)

Так вот, верите или нет, но ученики отлавливали меня и на переменках, и после уроков, чтобы непременно рассказать (сдать) тему на выбранном «в четвёрках» языке. И так радостно, когда видишь лица, ожившие в неформальном (не для профформы) учении.

117

Сценарии
и алгоритмы

[133 — 138]

О «торговом» методе работы

Как-то в конце третьей четверти меня попросили взять 6-й класс, от которого отказался учитель. Взять, чтобы довести до конца года. И я взаправду решила их «довести»! Вот только чем же взять подростков? Тем более, что они уже почувствовали вкус безалаберности?

Надо признаться, я не люблю торговых отношений с людьми. Но впервые мне пришлось осваивать их в вечерней школе, в тот период, когда обычная школа отправляла туда всех недолюбленных, озлобленных и ничему не обученных детей. Там, в «вечорке», я научилась «торговаться», потому что сначала это единственно понятный и самый простой язык общения. Конечно, не самый лучший. Зато всегда верный. Вот только застревать на нём нельзя! Он может быть использован только в исключительных обстоятельствах.

Итак, иду в класс. Вхожу подчёркнуто неторопливо (и этим уже вызываю любопытство детей). Договариваюсь с ними об условиях жизни. Говорю очень тихо. Для них это непривычно, и потому они меня слушают. Им ведь любопытно, что их ждёт.

Объявляю, что в процессе объяснения буду задавать вопросы, на которые нужно отвечать письменно, используя книгу. И каждый ответ буду оценивать баллами. В общий балл входит и домашняя работа. Каждый интересный, необычный, умный ответ увеличивает общий балл. Тот, кто не хочет работать, может сидеть тихо, не мешая другим. Или уйти — но тогда я ставлю в журнал нулевой балл.

Проблем с дисциплиной у меня не было, поскольку баллы я ставила ежедневно и тетради проверяла ежедневно.

Не прошло и месяца, как все дети стали постоянно работать на уроке. Случалось, что за урок дети получали по 7, 8, 9 и 10 баллов. И им было любопытно, как я выпутаюсь из этих обстоятельств. Те, кого устраивала тройка, на неё и трудились, но соблюдали условие: «Не мешать тем, кто хочет иметь больший балл». Как и В.Ф. Шаталову, мне удалось добиться успешной работы детей. Главное, чтобы «торговый» метод переходил плавно в индивидуальный подход к каждому человеку.

Но и на старуху бывает проруха!

Любовь зла

В классе был мальчик Петя, которому очень нравился прежний учитель (к слову, прекрасный человек, которому класс «сел на голову»). Он его полюбил. А с любовью не шутят.

Я пытаюсь договориться с Петром, чтобы он по-прежнему занимался индивидуально с тем учителем. Но мальчик меня не слышит. Он и со мной не работает, и к тому учителю не ходит. На всех обижен: и на меня, и на него.

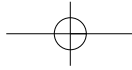
Я бегаю за ним всю третью четверть, чтобы не оскорбить плохой оценкой в четверти. Но любовь зла! Насильно мил не будешь. Третья четверть закончилась тройкой. Наступает четвёртая. И вот тут я «сдалась».

Совершенно не обращаю на него внимания, разрешаю уходить с уроков и оцениваю только контрольные работы, с которыми он, естественно, не справляется.

[87 — 100]

Исследования
и эксперименты

118

Л. ФИЛЯКИНА
ДАВАЙТЕ РАЗБУДИМ ПОДРОСТКА

За месяц до конца года я предупреждаю его, что в IV четверти у него не будет никакой отметки. Но что он может сдать материал. Говорю — а ничего не делаю, чтобы его заставить!

И вот конец четверти. Я выставляю «0» баллов! Ко мне начинают бегать его родители. Я объявляю им, что Пете надо всего лишь сдать зачёты до такого-то числа. Но мальчик упорен. И я тоже.

И вдруг однажды Петя приходит и сообщает, что хочет исправить положение. Но тут уже я не соглашаюсь. Учебный год уже окончен, и теперь у меня нет времени. «Да и зачем тебе это? — спрашиваю я его. — Ты уже переведён в седьмой класс».

Нужно было видеть его разочарование!..

«А может быть, это месть?» — вправе подумать читатель. Да нет же, за что мальчишке мстить! Я ведь понимаю, что такое любовь. Просто мне показалось, что человеку, который упорно чего-либо не хочет, полезно встретиться с другим, столь же упорным *не хочу*.

Вот такая наука.

Мой любимый возраст

Начало моей работы было связано со старшей школой и подготовительными курсами. На мой сегодняшний взгляд, старшеклассников не стоит причислять к подросткам. Эти юноши и девушки — взрослые люди. И им уже свойственны все уловки взрослого возраста.

Подросток же — это ещё не взрослый, но уже и не дитя. У детей, вступивших во второй десяток лет, появляется такая особенность: «Я сам! Я могу без тебя! У меня есть своё мнение!» Одна моя знакомая девочка говорила своей бабушке, когда та пыталась ей что-то объяснить: «Я тебя не слушаю! Совсем не слушаю!» Слова звучат дерзко, но они звучат в ответ на возмущение взрослого, которому вечно кажется, что ребёнок всё делает не так. И в этой дерзости проявляется главная особенность подростка — *самозащита*.

Очень частое явление среди подростков — «отключаться» во время неприятных разговоров. Это с одной стороны. А с другой — подросток, в отличие от повзрослевших старшеклассников, откровенен. Часто именно эту откровенность и принимают за дерзость.

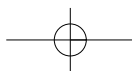
Когда мне впервые предложили 6-е классы, я подумала: «Что же я буду делать с такими маленькими детьми?» После месяца работы я пришла от этого возраста в восторг. Что же так меня взволновало? Меня поразила их *искренность*. Подросток не умеет прятаться. Он весь на виду. Он обнажён в своих чувствах.

Работа с подростком человеком требует от учителя сверхбережного отношения. Учитель должен учитывать, что подросток, хоть он и подросток, а по-прежнему нуждается в заботе и некоторой опеке. Но теперь нельзя её (опеку) проявлять, как с младшими, то есть навязывая своё. Многим учителям этот возраст кажется беспокойным, трудным, а дети — своевольными и упрямыми. А мне именно своеволие детей 11–14 лет и нравится. Они пробуют, порой неудачно, проявлять свою волю. Но ведь безвольный человек вообще не способен ни к чему. Надо же когда-то пробовать стать волевым человеком. Время пришло, и с этим учителю надо считаться.

119

сценарии
и алгоритмы

[133 — 138]

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

К сожалению, противостояние — примета нашей школы. Немногие учителя понимают, что противостояние подростку ведёт к войне, войне разрушительной для души растущего человека. Она приносит непоправимые утраты и для человека, и для общества. «Своя воля» пусть будет у каждого, но наша учительская забота — направить её (не обязательно насильно) на благие дела. И тут много приёмов и путей.

Как выбрать самый нужный в конкретном случае? Теперь уж ваше сердце, ум, внимательность к ребёнку должны подсказать решение.

И ещё! Нет возраста более благодарного. Если они любят — то искренне и безудержно (впрочем, как и ненавидят).

Как-то ко мне на урок в 6-й класс пришла методист. Я никогда не волнуюсь по этому поводу и веду себя, как обычно. Но дети! Боже, что это с ними?! Сидят с прямыми спинками, руки на парте, как их учили в начальной школе на открытых уроках. Руки поднимают на локотке. Все до одного хотят отвечать. Я невольно этому улыбнулась. Но в душе почувствовала такую благодарность к ним, сопереживающим мне. На такое сочувствие способен только ученик в моем любимом возрасте — подростковом!

[87 — 100]

Исследования
и эксперименты

120